

Парадигма О. П. Коршунова.

Статья третья.

О. П. Коршунов и неклассические концепции библиографии

Изложена суть основных неклассических концепций, развиваемых в библиографоведении под влиянием идей О. П. Коршунова: документоцентристской, литературоцентристской, синергетической, семиотической, книгоцентристской, культурологической, когнитологической и информографической. Дана оценка документального подхода к исследованию библиотечных и библиографических явлений, библиографической эпистемологии.

Ключевые слова: О. П. Коршунов, библиографоведение, библиографоведческие концепции, библиографическая эпистемология.

Задача этой статьи – систематизация многочисленных неклассических библиографоведческих концепций, разработанных энергичными и талантливыми учёными в последние десятилетия, и определение в их ряду места документографической концепции О. П. Коршунова.

Прежде всего необходимо уточнить понятие *научная концепция*. В философии науки научная концепция понимается как «научный взгляд на ту или иную проблему, то или иное явление», как теория или научно-исследовательская программа [1.С. 453].

Концепция – произведение *авторское*, и принадлежит она отдельному учёному или научной школе, что обычно фиксируется в названии концепции, например, *концепция библиографии О. П. Коршунова, концепция библиографоведения А. И. Барсука*.

Отличительными признаками концепций являются, во-первых, концепты (категории, определяющие парадигмальную принадлежность концепции (книгоцентристская, документоцентристская или иная), во-вторых, познавательные цели (исследовательские задачи), поставленные в данных концепциях, в-третьих, общенаучные или частнонаучные методологические подходы (системный, информационный, гносеологический и др.), используемые авторами для описания и объяснения исследуемых реалий, познания их сущности и перспектив развития.

Академик В. С. Стёпин, характеризуя неклассическую рациональность, отмечал в качестве её отличительной особенности *концептуальный плюрализм*: «В противоположность идеалу единственно истинной теории, укореняется норма, допускающая альтернативные теоретические описания одной и той же реальности, в каждом из которых может содержаться момент объективно-истинного знания» [2.С. 190]. Эту особенность неклассической рациональности современное библиографоведение освоило в полной мере и представляет собой полноценную мультиконцептуальную науку.

В. А. Фокеев насчитал добрый десяток отечественных концепций теории библиографии: системно-деятельностная, информационно-книговедческая, информационно-идеографическая, информационно-управленческая, информационно-культурологическая, процессно-когнитивная, информационно-педагогическая, ноосферно-культурологическая, науковедческая [3.С. 56–68]. В этот ряд правомерно добавить семиотическую и синергетическую концепции.

Кроме того, обнаружились относительно самостоятельные частные библиографоведческие теории, предметом которых являются: библиографическое познание, библиографическая коммуникация и ценностная ориентация, библиографическая культура, библиографический язык, библиографическое пособие [Там же. С. 77–118].

Авторы концепций и теорий ставят различные познавательные цели, используют разные методологические подходы, разнообразный понятийно-терминологический аппарат и вовсе не стремятся к взаимопониманию. В результате существуют разные представления о сущности (природе) библиографии, её социальных функциях, принципах, законах и закономерностях. Получается не дорога к храму истины, а замысловатый лабиринт плюрализма.

Правда, в научной практике гуманитарных дисциплин концептуальное разнообразие не редкость, а напротив, типичное явление. Вспомним научные школы, конкурирующие в современной лингвистике, психологии, культурологии, не говоря о философии, где каждый мыслитель философствует по-своему. Но ведь библиографоведение – наука прикладная, практико-ориентированная, ни в коем случае не метафизическое умозрение. Как оценивать мультikonцептуальность: как достижение интеллекта, которым можно гордиться, или как недомыслие, которого следует стыдиться?

Известно, что существуют сотни определений понятий *язык, душа, культура, материя, идеальное*, и это не смущает солидных учёных. Библиографоведы не отстают: по подсчётам А. И. Барсука, в 1970-е гг. у нас было около 400 дефиниций библиографии. Спрашивается: нужно ли стремиться к преумножению их числа или, напротив, целесообразно гостировать терминологию?

Плюрализм мнений драгоценен, потому что он служит залогом свободы мысли, но возникает опасение: не заблудилась бы библиографоведческая мысль в лабиринте концепций. Чтобы не заблудиться, нужна систематическая карта, где были бы размещены известные нам концепции по их сходству и различию. Попробуем нарисовать такую карту для неклассических концепций, образующих содержание современного библиографоведения с середины 1970-х гг.

В предыдущей статье рассмотрен революционный переворот в библиографической науке, началом которого стал одновременный выход в свет в 1975 г. двух подлинно новаторских и неклассических монографий А. И. Барсука и О. П. Коршунова. Ирония истории состояла в том, что, несмотря на видимое единодушие авторов, которое было несколько позже зафиксировано в совместной публикации (точнее, научно-политической декларации) [4], их учения базировались на разных фундаментальных концептах.

О. П. Коршунов выступил в качестве первооткрывателя документоцентристской парадигмы, основанной на концепте Документ, а А. И. Барсук был верным последователем книгоцентристской парадигмы и отдавал предпочтение концепту Книга. Не случайно в его исследованиях, посвящённых месту библиографоведения в системе книговедения, о документах и документальной коммуникации нигде не упоминается.

В то же время оба библиографоведа-революционера широко использовали информационный подход и концепт Информация для модернизации своих учений, что свидетельствует об их принадлежности к неклассической рациональности. Парадигмальные расхождения концепций О. П. Коршунова и А. И. Барсука наталкивают на мысль, что массив неклассических концепций библиографии целесообразно разделить на две взаимоисключающие части: 1) документоцентристские концепции (основанные на концепте Документ); 2) недокументоцентристские концепции (базирующиеся на недокументальных концептах).

Документоцентристские концепции, как известно, концентрируются вокруг концепта Документ. Необходимо признать, что практически все концепции библиографии имели бы иное содержание, если бы в 1975 г. не вышла в свет монография *Олега Павловича Коршунова*

«Проблемы общей теории библиографии», которая и в самом деле (согласимся с оценкой автора) содержит начала общей документографической теории библиографии. Однако одна теория не образует парадигму – для формирования документоцентристской парадигмы требуется достаточно широкий круг теоретических разработок (исследовательских программ), преследующих различные познавательные цели и использующих различный методический инструментарий. Чтобы представить себе этот круг, нужно уяснить разновидности теорий, бытующих в гуманитарных науках.

Теория обычно понимается как форма научного знания, дающая целостное и относительно истинное представление об изучаемом предмете и раскрывающая закономерности его появления и развития. В зависимости от поставленной цели, теории выполняют три познавательные задачи: описательную – определение природы и особенностей данного предмета; объяснительную – выявление причин и факторов, обусловивших наблюдаемое состояние предмета; прогностическую – раскрытие перспектив развития предмета.

Теоретическое познание, надо заметить, отличается оперирование гипотезами, моделями, формулами, категориями, поэтому прагматики, склонные к эмпирической классической рациональности, часто упрекают его в «бесплодном теоретизировании».

В зависимости от решаемых познавательных задач различаются три вида теоретических концепций:

а) *описательные* (дескриптивные) теории (типологии), решающие задачу описания и систематизации объектов, изучаемых данной теорией. Основной акцент здесь делается на выбор и обоснование научного языка, используемого в описаниях, а раскрытие ранее не известных сущностных закономерностей остаётся в стороне;

б) *объяснительные* (детерминистские) теории, главная задача которых заключается не в описании и систематизации изучаемых явлений, а в раскрытии причинно-следственных отношений между ними и их сущностных особенностей;

в) *эволюционно-прогностические* теории, пытающиеся не только описать и объяснить реально существующие явления, но и определить траектории их развития в будущем.

Для ориентации в многообразии концепций, образующих документоцентристскую парадигму, необходимо определить те виды теоретического познания, которые воплощены в известных нам библиографоведческих концепциях.

Начнём, естественно, с основоположника – с документографической концепции О. П. Коршунова. Эта концепция располагает достаточно богатым понятийно-терминологическим аппаратом, который был представлен в терминологическом стандарте ГОСТа 7.0-84 «Библиографическая деятельность», а также в учебной литературе, вышедшей под редакцией О. П. Коршунова. Благодаря этому аппарату, концепция Коршунова успешно выполнила задачу *описательной* теории. Но мало этого, она вышла на уровень относительно завершённой *объяснительной* теории и именно поэтому стала признанным лидером отечественного библиографоведения.

О. П. Коршунов сумел логически непротиворечиво и убедительно ответить на вопросы, которые возникают перед фундаментальной библиографоведческой теорией: 1) какова область существования (метасистема) библиографии; 2) какое место принадлежит библиографии в данной области; 3) каковы критерии отграничения библиографических явлений от неблиблиографических; 4) что является объектом библиографической деятельности; 5) какие основные социальные функции свойственны библиографии?

Известно, что именно на основании ответов на перечисленные вопросы может быть

сформулирован предмет библиографической науки и обоснованы законы, закономерности, принципы, которые образуют содержание данной детерминистской концепции.

О. П. Коршунов предложил следующие ответы: метасистема библиографии – документальная коммуникация, где библиография занимает вторично-документальный уровень, критерием отграничения которого от прочих коммуникационных явлений служит наличие библиографической информации. Объект библиографической деятельности – *система Д – П* (документы любого типа и вида и их потребители); библиография выполняет три сущностные общественные (социальные) функции: поисковую, коммуникативную, оценочную. Отсюда – формулировка предмета библиографоведения, которой придерживался О. П. Коршунов: «Основной предмет библиографоведения характеризует следующее определение: научная дисциплина, изучающая структуру и свойства библиографической информации, закономерности процессов её создания и доведения до потребителей» [5.С. 22].

В концепции затронуты генетические основы библиографической деятельности, но задачу прогнозирования библиографии и, в частности, воздействия на неё информационных технологий О. П. Коршунов не ставил. Поэтому уровень эволюционно-прогностической теории оставался вакантным в документоцентристской парадигме.

Нельзя сказать, что документоцентристская концепция воспринималась нашими библиографоведами-классиками без сопротивления. Напротив, её утверждение с самого начала, с середины 1970-х гг., проходило в обстановке споров, доходящих до обвинений в идеологической беспринципности, политически ложной подмене понятия *книга* классово враждебным понятием *документ*. Имели место и добросовестные заблуждения, и ревнивые амбиции, которые вносили свою лепту в формирующуюся документоцентристскую парадигму. Чтобы проиллюстрировать смещение понятий, характерное для того времени, остановимся на *литературоцентристской концепции Д. Ю. Теплова*.

Широко эрудированный автор опирался, с одной стороны, на книговедческие традиции, с другой – на неологизмы научной информатики. В книге, посвящённой основным проблемам типизации в книговедении и библиографии [6], Д. Ю. Теплов дословно повторяет [Там же.С. 15] определение категории Документ, предложенное в монографиях основоположников информатики в нашей стране: «Документом признаётся любой материальный объект, который фиксирует или подтверждает какие-либо знания и может быть включён в определённое собрание» [7.С. 81].

Документ в этом понимании Д. Ю. Теплов трактует как «книгу в широком смысле слова», противопоставляя ему «книгу в узком смысле слова», представляющую собой «определённый тип издательско-полиграфического оформления печатной продукции» [6.С. 10]. Получается логически нелепая конструкция: информатика изучает «книгу в широком смысле» (документ), значит, она должна изучать и «книгу в узком смысле», поскольку первое («широкое понятие») включает в свой объём второе («узкое понятие»). Тогда книговедение, предметом которого является Книга во всех смыслах, как «широком», так и «узком», становится частью научной информатики, что некорректно.

К сожалению, концепция Д. Ю. Теплова оказывается непродуктивной и с точки зрения библиографоведения. В качестве объектов библиографирования он называет «документы, преимущественно фиксирующие словесную информацию», которые предлагается называть «литературными документами» [Там же.С. 14, 15]. Очевидно, что «литературные документы» представляют собой «книгу в узком смысле». В итоге получается трюизм: «библиография описывает литературные произведения письменности и печати», а документы в виде «материальных объектов, фиксирующих или подтверждающих какие-либо знания», т.е. в виде «книг в широком смысле слова», к библиографической теории и практике отношения не имеют.

Выходит, что литературоцентристская концепция Д. Ю. Теплова по существу является книгоцентристской, но прикрытой документологической терминологией. Недоумения, возникающие при осмыслении этой концепции, обусловлены тем, что автор представил её как *описательную* теорию, исключив объяснение исходных закономерностей книжных и библиографических потоков, которые он имел в виду.

Пожалуй, наиболее успешно и доходчиво раскрыл содержание неклассического общего библиографоведения *Исаак Григорьевич Моргенштерн*.

Документографическая теория И. Г. Моргенштерна изложена в учебном пособии «Общее библиографоведение», где библиография определяется как «социальная информационная система, обеспечивающая подготовку и функционирование библиографической информации» [8.С. 14], и в сборнике избранных статей «Информационный и книжный мир. Библиография» [9].

Документ рассматривается как объект библиографического отражения, а библиографическая информация – в качестве сателлита (спутника) документа в его жизненном цикле. Библиографическую информацию И. Г. Моргенштерн трактует как «информацию о документах либо фрагментах документов, идентифицирующую их, оповещающую об их существовании и способствующую их функционированию».

Если сравнить эту трактовку с приведённым выше определением О. П. Коршунова («*Библиографическая информация* – это, как правило, определённым образом организованная (стандартная) информация о документах, выполняющая в системе документальных коммуникаций поисковую, коммуникативную, оценочную основные общественные функции и имеющая конечной целью удовлетворение и формирование документальных потребностей членов общества»), то нетрудно удостовериться в их смысловой тождественности, ибо идентификация (опознавание) нужных документов – это поисковая функция, оповещение о документах – коммуникативная функция, способствование функционированию документов предполагает их оценку.

Несомненное дидактическое достоинство формулировки понятия библиографической информации, предложенной И. Г. Моргенштерном и иллюстрированной многочисленными практическими примерами, заключается в её лаконичности, логичности и убедительности.

Это достоинство распространяется и на другие фундаментальные основы общего библиографоведения, включая сущность библиографической деятельности и функции библиографической информации. Так, И. Г. Моргенштерн выделяет всеобщие функции библиографической информации, в качестве которых выступают постулированные О. П. Коршуновым поисковая, коммуникативная и оценочная сущностные функции, и производные, дополнительные и дифференцированные функции, имеющие важное значение для библиографической практики.

Целостность и относительная завершённость теории Коршунова убедительно показаны в учебном пособии И. Г. Моргенштерна. Вместе с тем он сумел интерпретировать абстрактную теорию Коршунова как практически полезное учение и изложить её в форме, доступной для студентов библиотечной школы.

Появление учебной литературы столь высокого научно-педагогического уровня свидетельствует о *качественном изменении* статуса описательно-объяснительной теории Коршунова в профессиональном сознании библиографического сообщества. Теперь исходные понятия, системные структуры и закономерные взаимосвязи, провозглашённые в научных и учебных трудах О. П. Коршунова, становятся общепринятыми основаниями документоцентристской парадигмы.

Однако признание описательно-объяснительной теории Коршунова в качестве господствующей концепции в неклассическом библиографоведении вовсе не исключало, а, напротив, стимулировало появление новых библиографоведческих концепций описательного уровня, обогащающих документоцентристскую парадигму. Напомним о некоторых из них.

Синергетическая концепция Т. А. Новоженовой базируется на убеждении, что синергетика, представляющая собой «методологический фундамент построения универсальной картины мира», относится к общенаучным подходам, «в рамках которых возможно описание библиографии по всем пунктам её теоретического воспроизведения» [10.С. 199].

Обращаясь к терминологии синергетики, Татьяна Александровна замечает, что вследствие увеличения количества и разнообразия документов в документных потоках возрастает хаотичность (энтропия), документальная система теряет устойчивость и приближается к точке бифуркации, когда из «хаоса рождается порядок» и возникает библиография как «безальтернативное упорядочивающее средство».

Благодаря библиографии, система документальных коммуникаций обретает новое качество и восходит на более высокую ступень эволюции. В итоге оказывается, что «библиография как синтез хаоса в документном потоке и его порядка в ней самой есть диссипативная структура со всеми присущими ей чертами и свойствами. Она существует во внешней среде – метасистеме, с которой обменивается веществом, энергией и информацией, в результате чего формируется в виде сложной открытой, неравновесной системы, поскольку сочетает в себе порядок с хаосом. В качестве диссипативной структуры, библиография – целостная система, что обуславливается единством связывающих её структурные элементы субстанции, сущности и главной функции, которые воплощаются в библиографической информации и её опосредующей роли в системе документных коммуникаций» [10. С. 207, 208].

Призадумавшись над приведённой цитатой. Метасистемой библиографии является система документальных коммуникаций – это очевидно. Неясно, каким «веществом и энергией» обменивается библиография со своей метасистемой. Здесь автор механически использовала клише, принятое в литературе по синергетике. Достаточно было сказать, что имеет место обмен информацией. Какой информацией? Т. А. Новоженова однозначно считает: библиографической информацией. Синергетики же понимают информацию как меру упорядоченности системы, как негэнтропию (отрицательную энтропию), а не как «сведения о документах». Они утверждают: «Диссипативная структура посредством обмена поддерживает свою упорядоченность (говоря физическим языком, низкую энтропию) за счёт усиления беспорядка во внешней среде (за счёт, так сказать, сбрасывания избыточной энтропии во внешнюю среду). Таким образом, синтез порядка и хаоса в понятии диссипативной структуры имеет два аспекта: а) её «порядок» существует лишь за счёт «хаоса», вносимого в среду; б) благодаря своему «порядку» она приобретает способность адекватно реагировать на хаотические воздействия и этим сохранять свою устойчивость» [11.С. 11, 12].

Получается, что библиография, поставляя в свою метасистему (систему документальных коммуникаций) библиографическую информацию, повышает хаотичность этой метасистемы. На самом же деле библиография возникла в результате бифуркации для того, чтобы упорядочить хаос первичных документальных потоков. Не сходятся концы с концами, потому что информация (энтропия), подсчитанная по формулам интегрального исчисления, совсем не то, что библиографическое «свернутое знание».

Однако Т. А. Новоженова, судя по её собственным словам, не намеревалась углубляться в синергетические дебри, она преследовала цель, во-первых, «по-новому осмыслить феномен библиографии в свете языка самоорганизации, олицетворяющего новейшие достижения в области познания и науки в целом»; во-вторых, апробировать с точки зрения синергетики «существующие библиографические концепции» [10.С. 213, 214]. Для нас важно, что опытный библиографовед Т. А. Новоженова попыталась создать описательную теорию

документографической концепции О. П. Коршунова, обогащая документоцентристскую парадигму контактом с синергетикой.

Семиотическая концепция Г. Я. Узилевского базируется на постулате, что библиографический язык «представляет собой внутреннюю детерминанту развития и совершенствования библиографической деятельности и может выступить как исходный пункт разработки общей теории библиографии» [12.С. 281].

Лингвист-семиотик увидел, что библиографическое описание – это сложный лингвистический объект, состоящий из речевых знаков естественного языка, моделирующий документ-первоисточник и служащий для создания библиограмм, библиографических ссылок и цитаций. Раскрывая свойства и функции библиографического описания, Г. Я. Узилевский обнаружил такое уникальное свойство последнего, как свёртываемость библиографической информации в информацию формализованную, из которого следуют функции – наукометрическая, библиометрическая и статистическая.

Затем обнаруживаются свойства самоорганизации библиографических описаний, свойство однозначности обозначения и замещения конкретных документов, присущее библиограммам, откуда следует функция идентификации первичного документа и информационная, а также функция поиска нужного документа. Все эти функции, делает вывод автор, являются «источником существующих концепций библиографии» и «потенциально выступают как внутренняя детерминанта разработки общей теории библиографии».

Бесспорно, новаторскими и теоретически продуктивными являются выделение библиографических массивов как вторичных знаковых систем, состоящих из библиографических описаний (первичных знаковых систем), и использование синтагматических и парадигматических классов для демонстрации состава и структуры библиографического языка. Особенно интересен вывод о том, что язык библиографических описаний моделирует первичные документы, в то время как информационно-поисковые языки прямо или косвенно моделируют «универсум» (объекты науки, техники, культуры), но не первичные документы.

Дальнейшим развитием лингво-семиотического подхода в библиографоведении, правда, без претензии на общетеоретическую концепцию, являются работы *И. А. Савиной*, посвящённые истории, теории и современному состоянию библиографического языка, его семантическим, синтаксическим, прагматическим аспектам [13].

Привлекает внимание обсуждение *И. А. Савиной* вопросов функционирования библиографического языка в глобальном информационном обществе [14].

Лингво-семиотические концепции имеют целью совершенствование библиографических описаний (библиограмм) и поэтому тесно связаны с документографической проблематикой. По сути дела они представляют собой *описательные библиографические теории*, которым принадлежит особое место в составе документоцентристской парадигмы. Правда, сомнительно утверждение, что библиографический язык может служить «исходным пунктом разработки общей теории библиографии», поскольку для этого требуется выход на уровень объяснительной теории, где недостаточно лингво-семиотических методов.

Документальный (документально-информационный) подход в библиотековедении и библиографоведении в последние годы активно разрабатывается *Е. А. Плешкевичем* [15]. Исходным пунктом для разработки этого подхода послужила авторская «общая теория документа», в рамках которой обсуждался вопрос о «документной парадигме в архивоведении и книговедческих дисциплинах» [16].

Заявку на обобщение и систематизацию знаний о документе, накопленных в архивоведении,

книговедении, информатике, библиографоведении, делопроизводственной практике, нельзя не приветствовать, и мы одобряем многолетний труд Е. А. Плешкевича в данной области, вехами которого послужили докторские диссертации, подготовленные в 2006 и 2012 гг. С нашей точки зрения, документально-информационный подход, предложенный автором, может служить примером метода научного познания, основанного на *описательной* информационной теории.

Объектами описания информационной теории являются: а) стабильный во времени и пространстве семантический информационный процесс (книгоиздание и другие источники); б) общественные информационные потребности в своевременном получении достоверной (неискаженной) информации; в) информационные социальные институты (в том числе система библиотечных учреждений и служб библиографии), управляющие этим информационным процессом. Таким образом, библиотечно-библиографические учреждения рассматриваются как составные элементы социальной документально-информационной системы.

Е. А. Плешкевич подчёркивает: «Особую теоретическую значимость имеют разработанные автором положения теории документальной информации, которые легли в основу информационного направления документального подхода». Эту значимость он видит во введении таких новых терминов, как «документально-информационный процесс», «документально-информационная система», «библиотечно-библиографический (диахронный) документ» и др., «расширяющих представление о природе библиотечных и библиографических явлений». Что касается документа, то он трактуется как «материальный информационный объект, обеспечивающий передачу и обработку семантической информации во времени и пространстве с определёнными качественными параметрами» и «генерируемый документально-информационным процессом, который определяется как документирование».

Практическую значимость своей работы Е. А. Плешкевич усматривает в том, что «предложенный документально-информационный подход может применяться для описания библиотечно-библиографических явлений, их объяснения, а также служить методологической основой для разработки прогнозов развития библиотек и служб библиографии в современном информационном обществе».

Эти утверждения вызвали у нас сомнения, поскольку автор злоупотребляет термином *информация* без привязки его к библиотечно-библиографическим реалиям. Ссылаясь на атрибутивную и функционально-кибернетическую трактовки информации, принятые в советской философии 1960–1970-х гг., он предлагает дефиницию: «Информация – отражаемый материальным миром поток, который, преломляясь через наше сознание, перерабатывается в одну из форм для её последующего использования». Затруднительно усмотреть смысловую связь этой дефиниции с понятиями «библиографическая информация» или «библиотечный информационный ресурс».

В теории документальной информации Е. А. Плешкевич оперирует понятиями актуальной и потенциальной, семантической и структурной информации, опять-таки механически заимствованными из философского контекста. Неопределённость основополагающей категории информации делает документально-информационный подход малопригодным для объяснения сущности или прогнозирования социально-коммуникационных процессов, почему-то именуемых «информационными».

В итоге, можно сделать вывод: в отечественном библиографоведении господствующее положение вплоть до наших дней принадлежит *описательно-объяснительной теории* О. П. Коршунова. Новое подтверждение этому – выход в свет учебника для бакалавров: Коршунов О. П., Леликова Н. К., Лиховид Т. Ф. Библиографоведение : учеб. / под ред. О. П. Коршунова. – С.-Петербург : Профессия, 2014.

Помимо ядерной документографической концепции, в документоцентристской парадигме

представлены теории описательного уровня, изучающие частные аспекты концепта Документ. Однако библиографоведческая мысль не довольствовалась сложившимся статус-кво – её беспокоила, как выразился И. Г. Моргенштерн, «жажда парадигмы», которая обусловила дискуссию о библиографической парадигме [17].

В ноябре 1990 г. редакция журнала «Советская библиография» провела «круглый стол» на тему «Современная библиографоведческая парадигма», полемически заострив её вопросом: кризис или расцвет? В обсуждении приняли участие более 20 учёных из разных городов России – беспрецедентно широкий форум. Большинство участников сошлось во мнении, что ощущается потребность в новой парадигме, хотя виделась она разным специалистам по-разному (см.: Советская библиография. – 1991. – № 3. – С. 33–66.).

Участников дискуссии интересовали вопросы: есть ли в настоящее время перспективная парадигма в библиографоведении? каким требованиям должна соответствовать парадигмальная концепция? Мнения разделились. Концепцию О. П. Коршунова упрекали в догматизме, поскольку с 1975 г. она фактически не развивалась (возможно, по причине «законченности»), но другие концепции «парадигмального» значения не обнаруживались, несмотря на богатый «поликонцептуальный» выбор оригинальных общетеоретических решений.

Мудрый Ю. А. Шрейдер заметил: искусственное декретирование парадигмы невозможно, потому что парадигма – не «предмет проектирования» и «не предписывается науке» [18]. Дискуссия сошла на нет, но проблема парадигмы библиографоведения всё-таки осталась, и мы намерены продолжить её обсуждение, выходя за границы документоцентризма.

Недокументоцентристские концепции имели два источника, обусловившие их появление: во-первых, консервативная привязанность учёных-библиографоведов к классической книгоцентристской парадигме, которая ощущается в литературоцентристской концепции Д. Ю. Теплова и концепции А. И. Барсука; во-вторых, стремление к обновлению документоцентристской парадигмы, преодолению монопольного господства документографической концепции О. П. Коршунова. Рассмотрим некоторые неклассические недокументоцентристские концепции.

Книгоцентристская концепция А. И. Барсука. Абрам Ильич Барсук – продолжатель книговедческой традиции, восходящей к «системе книговедения» Н. М. Лисовского. Как известно, эта традиция была прервана в 1930-е гг., и заслуга А. И. Барсука в том, что в 1960-е гг. он сыграл значительную роль в её реабилитации и становлении «неокниговедения» как комплексной науки о книге, книжном деле и читателе.

В монографии А. И. Барсука [19] педантично проводится демаркационная линия между *библиографией* как специальной областью книжного дела и *библиографоведением* как книговедческой научной дисциплиной, изучающей «историю, теорию, методiku и проблемы организации библиографического дела, закономерности, структуру, свойства и качество библиографической информации».

Библиография определялась как «специальная область научно-практической деятельности (книжного дела), содержанием которой является подготовка, передача и организация использования вторичной (свернутой) информации о литературе с целью воздействия (специфическими для библиографии методами, формами и средствами) на её распространение и использование в обществе» [19.С. 14].

В библиографической информации, представляющей собой «вид информации, содержанием которой является свернутая (вторичная) адресная информация о литературе», А. И. Барсук видел «способ самовыражения, язык и результат» библиографии [Там же.С. 16] и в связи с этим именовал свою концепцию «книговедческо-информационной». Однако он не совсем

точен. Информационный подход играет в его концепции второстепенную роль, хотя он и утверждал, что содержанием библиографии «является подготовка и передача вторичной (свернутой) информации о произведениях письменности и печати» [Там же.С. 5].

Дело в том, что в библиографической информации А. И. Барсука усматривал только «универсальный язык», «способ самовыражения», т.е. форму, но не «всеобщую сущность» библиографии. Сущность библиографии он видел в «кровном, исконном родстве с книжным делом», в том, что «роль и место библиографии и библиографоведения *внутри* книжного дела и книговедения, а не вне или в стороне от них» [Там же.С. 38]. Поэтому правильно будет назвать концепцию А. И. Барсука *неклассической книгоцентристской* концепцией библиографии описательно-объяснительного уровня.

Александр Андреевич Гречихин в конце 1980-х гг. горячо протестовал против монопольного положения теории О. П. Коршунова, противопоставляя ей своё понимание библиографии. Это понимание выражено в дефиниции, которая неизменно воспроизводится в публикациях А. А. Гречихина: «Библиография – область информационной деятельности, основной общественной функцией которой является управление процессом производства, распространения и использования информации в обществе, т.е. информационное управление».

Информационное управление понималось А. А. Гречихиным как сущностная функция библиографии, которая реализуется в виде трёх прикладных функций (подфункций): сигнальная (сигнальное информационное управление), оценочная (оценочное информационное управление) и рекомендательная (рекомендательное информационное управление). При этом он отмечал: «в узком книговедческом смысле» библиографию можно определить как «управление процессом производства, распространения и использования книги (произведений, документов, изданий) в обществе» [20].

Идея «информационного управления» обществом библиографическими средствами не нова – её разделяли просветители, составлявшие рекомендательные списки для массового читателя, и цензоры, ограждавшие публику от «безнравственной» литературы. Она хорошо вписывается в контекст книговедческой концепции А. И. Барсука.

Концепция А. А. Гречихина разрабатывалась на кафедре книговедения Московского полиграфического института, сотрудником которого он стал в 1975 г.

Определяющее влияние на взгляды автора оказали кибернетические веяния, получившие в 1970-е гг. официальное признание, поэтому его концепцию можно назвать «*кибернетической*».

На крупных предприятиях, в регионах и отраслях создавались автоматизированные системы управления, которые планировалось объединить в Общегосударственную систему управления народным хозяйством. Не удивительно, что представление библиографии как управляющей подсистемы книжного мира показалось библиографоведу-кибернетику привлекательным и актуальным. В духе информационно-кибернетического подхода он трактовал книгу как источник информации, а книжное дело как информационный процесс и информационную систему. Концепцию Гречихина, как и концепцию А. И. Барсука, мы склонны квалифицировать в качестве неклассической книгоцентристской теории описательно-объяснительного уровня.

Маргарита Георгиевна Вохрышева отвергла книговедческие и документоведческие подходы в силу их «фрагментарности и однолинейности» и выдвинула концепт Культура в качестве парадигмального центра библиографоведения. Так возникла *культурологическая концепция библиографии* [21], исходящая из роли библиографии как «одного из важнейших способов отражения, хранения и трансляции культуры от поколения к поколению и как одного из важнейших элементов культурного прогресса».

В культурологической концепции метасистемой библиографии объявлялась Культура (библиография – «самоценный» элемент (подсистема) культуры, а не системы документальных коммуникаций) и социальная функция библиографии виделась в «удовлетворении библиографическими средствами потребностей в документально фиксированном знании с целью его сохранения и трансляции от поколения к поколению».

Культурологический подход к библиографии получил дальнейшее развитие в солидном учебном пособии, подготовленном М. Г. Вохрышевой десять лет спустя [22]. Нужно отметить, что здесь сделана попытка аккумулировать достижения библиографоведения последних лет и интерпретировать их в контексте культурологической концепции автора. Культурологическую концепцию библиографии Маргарита Георгиевна называет «наиболее очеловеченной (по сравнению с информационной или документографической)» [Там же.С. 309]. Автор выдвигает целый ряд смелых новаторских идей, например, поднимает проблему формирования *информационной культурологии (информкультурологии)* в качестве научной дисциплины на стыке двух наук: информатики и культурологии [Там же.С. 316, 317].

Гуманистический пафос культурологической концепции отчётливо просматривается в прогнозных предположениях развития библиографической науки, предложенных М. Г. Вохрышевой. Она предвидит, что в ближайшее десятилетие значительное внимание будет уделяться специфике библиографической деятельности с применением компьютерных технологий. Но когда эти процессы станут повседневной нормой, вновь на первый план выйдет гуманитарно-этическая социально-культурная проблематика. Поскольку библиография связана с деятельностью человека познающего, думающего, созидющего, то библиографоведение не сможет ограничиться лишь технологическими аспектами [Там же.С. 200]. На наш взгляд, концепция М. Г. Вохрышевой достигла уровня не только объяснительной, но и *прогностической* теории.

В 1990-е гг. *Валерий Александрович Фокеев* пришёл к заключению, что сущность библиографии – не в библиографической информации, а в *библиографическом знании*, и посвятил определению природы и специфики библиографического знания серию научных статей и фундаментальную монографию [23].

Выяснилось, что библиографическое знание по природе своей – социально-культурный феномен, «результат познавательной деятельности сознания, отражающий объективную реальность в виде знаковой системы, содействующей освоению книжной культуры человеком и обществом в целом».

Отсюда следует включение библиографического знания в контекст культуры и «рассмотрение библиографии как деятельности культуuroобразующей и культуuroтворческой». Таким образом, метасистемой библиографии объявляется Культура.

Библиография и библиографическое знание выполняют в метасистеме культуры познавательные, коммуникационные, ценностно-ориентировочные функции. При этом библиографическая информация – не «всеобщая сущность библиографии», а «движущееся в сфере социальной коммуникации (транспортируемое), актуальное библиографическое знание», т.е. одно из состояний библиографического знания [23.С. 67]. Библиографическая информация без библиографического знания не может существовать, она лишается смысла, превращается в пустую знаковую форму.

Сказанное выражает суть *когнитографической (знаниевой) концепции* библиографии, которая открывает для библиографоведения широкое поле взаимодействия с герменевтикой, когнитологией, социальной психологией, эпистемологией и другими науками о познании.

Когнитографическая концепция послужила отправной точкой для дальнейшего научного творчества В. А. Фокеева, результатом которого стала *ноосферно-культурологическая*

концепция библиографии, основанная на концепте Культура. Благодаря творческим усилиям автора, концепция достигла познавательного уровня, соответствующего статусу прогностической теории.

В рамках ноосферно-культурологического подхода библиография характеризуется следующим образом: 1) метасистема (область существования) – ноосфера; 2) место библиографии в метасистеме – «особый феномен, отвечающий за организацию её формирования, интеллектуального жизнеобеспечения общества»; 3) критерий отграничения библиографических явлений от неблиографических – библиографическое знание, представляющее собой сущность библиографии; 4) субъект библиографической деятельности – библиографический социальный институт; 5) сущностные социальные функции: общая функция – реализация интеллектуального доступа к текстам; функции «второго» ряда – познавательная, коммуникативная, ценностно-ориентировочная, социокультурная.

На основании перечисленных характеристик предлагается дефиниция: «*библиография* представляет собой социокультурный комплекс, включающий библиографическое знание (информацию), библиографический социальный институт и библиографическую деятельность, имеющую своей целью реализацию интеллектуального доступа к фиксированным текстам – источникам знания (информации), формирование информационной (книжной) культуры» [24] (в развёрнутом виде концепция представлена в [3]). Вариантом этой дефиниции является предложенный В. А. Фокеевым «библиографический квадрат», обладающий такими достоинствами, как наглядность и мнемоничность [3.С. 125–127].

Прогностическая устремлённость свойственна *идеографической*, или *информографической*, концепции, разработанной *Натальей Андриановной Слядневой* [25]. Здесь библиография рассматривается не в масштабе книжного дела или документально-информационной системы, а в масштабе Универсума человеческой деятельности.

Сущность библиографии Н. А. Сляднева видит в её методологической потенции, а библиографические методы рассматривает как универсальные, пригодные для оперирования любыми «суверенными информационными объектами» – не только документами, но и текстами или нематериализованными «смыслами». Таким образом, идеография поглощает документографию.

По мнению Н. А. Слядневой, «библиография, понимаемая как информография, как универсальный метод и средство оперирования информацией и её документальными носителями, не только сохранит в информатизированном обществе свои функции, но и явится одним из средств обогащения информационного прогресса, поэтому её теория и практика должны быть преобразованы в соответствии с новой информационной ситуацией» [Там же.С. 3].

Н. А. Сляднева отважно преодолевает разумную сдержанность документографии, заявляя: «По нашему мнению, библиография может рассматриваться в более широких контекстах и на более фундаментальных основаниях: на информологическом (в аспекте природы субстрата библиографии), на системно-деятельностном (в аспекте максимально широкой сферы ее бытования, т.е. в Универсуме человеческой деятельности), на психофизиологическом (в аспекте закономерного порождения библиографической формы означивания, свертывания и моделирования инфоквантов в связи с ограниченностью пропускных возможностей каналов человеческого сознания, объёмовпамяти и коммуникаций в обществе)» [Там же.С. 9].

Концепцию Слядневой можно упрекнуть за «революционный экстремизм», способный утратить робкого библиографа, но нельзя не разделить её озабоченность перспективами библиографии в «информатизированном» обществе, а также стремление «гуманитаризировать» это общество, преодолеть опасность его однобокой технизации путём внедрения «библиографического компонента» [Там же.С. 204].

Библиографическая эпистемология (теория библиографического познания) получила развитие в исследованиях Людмилы Васильевны Астаховой [26]. Здесь библиографическое познание представлено как компонент собственно *научного познания*, который исторически, начиная с XVII в., развивался в соответствии с эволюцией науки в целом. В настоящее время, согласно выводам историков науки, последняя вступила в такой этап своего развития, который «характеризуется стратегической направленностью на человека и потребности человеческой деятельности, а также новой идеологией рациональности – гуманитарным антропоморфизмом» [Там же.С. 16]. Ясно, что такой поворот научного сознания повышает научный статус не только библиографоведения, но и библиографической практики.

Л. В. Астахова защищает тезис о том, что библиография обладает научным достоинством, что это *научный феномен*, а не вторично-вспомогательная область умственного труда. Она отказывается от использования информационного подхода и понятия библиографической информации, оперируя понятием «библиографическое знание как особый тип научного знания». В итоге автор приходит к выводу: «Библиография, являясь наукой, по своей природе не только не обречена на исчезновение и замену более перспективными и эффективными видами информационной деятельности, но и потенциально содержит в себе теоретическую основу для решения проблемы информационного взрыва» [Там же. С. 284], ибо она есть «самостоятельная гуманитарная наука, призванная поддерживать гомеостаз общества» [Там же. С. 285]. На наш взгляд, эпистемологическую концепцию Л. В. Астаховой правомерно квалифицировать как недокументоцентристскую описательную теорию.

В завершение обзора неклассических концепций отечественного библиографоведения систематизируем их по двум измерениям: парадигмальная принадлежность (документоцентризм – недокументоцентризм) и теоретический уровень (описательный – описательно-объяснительный – прогностический). Ради наглядности представим систематизацию в табличной форме.

Систематизация неклассических концепций библиографоведения

	Документоцентристская парадигма	Недокументоцентристская парадигма
Описательные теории	Синергетическая концепция	Литературоцентристская концепция Д. Ю. Теплова Эпистемологическая концепция Л. В. Астаховой
	Т. А. Новоженовой	
	Лингво-семиотическая концепция	
	Г. Я. Узилевского – И. А. Савиной	
	Документальный подход	
Описательно-объяснительные теории	Е. А. Плешкевича	Книговедческая концепция А. И. Барсука
	Документографическая концепция	
	О. П. Коршунова	
	Документографическая	Кибернетическая концепция

	концепция И. Г. Моргенштерна	А. А. Гречихина
Прогностические теории		Культурологическая концепция М. Г. Вохрышевой Когнитивно-ноосферная концепция В. А. Фокеева Идеографическая концепция Н. А. Слядневой

Конечно, перечень приведённых в таблице концепций далеко не полон, да и моей задачей не был исчерпывающий учёт всех достижений отечественной библиографоведческой мысли. Я стремился выявить и систематизировать основное концептуальное содержание современных парадигм библиографоведения. И при этом я руководствовался презумпцией: каждая концепция заслуживает уважения и внимания, потому что в каждой из них содержится своя истина, своя доля знания о библиографии. Однако обзор этих истин – лишь начальный этап исследования.

Один часовых дел мастер сказал: «Имеешь одни часы, знаешь, который час; имеешь много часов, уже не уверен». Сегодня мы располагаем богатым набором «библиографических хронометров», по-разному показывающих прошлое, настоящее и будущее время библиографии. Какому из них доверять?

Очевидно, что бесполезно идти по пути конструирования новых и новых концепций, ибо это путь в «дурную бесконечность». Полагаю, что нам нужна *собирающая концепция*, объединяющая достижения предыдущих исследований.

Список источников

1. **Лебедев С. А.** Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). – Москва : Академический проект, 2008.
2. **Стёпин В. С.** Исторические типы научной рациональности // Стёпин В. С. Цивилизация и культура. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2011.
3. **Фокеев В. А.** Библиография: теоретико-методологические основания : учеб.пособие. – Санкт-Петербург, 2006.
4. **Барсук А. И., Коршунов О. П.** Советское библиографоведение: состояние, проблемы, перспективы. – Москва : Книга, 1977. – 108 с.
5. **Коршунов О. П.** Современное библиографоведение. Что это такое? // Российское библиографоведение: итоги и перспективы : сб. науч. ст. / науч. ред. Т. Ф. Лиховид. – Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2006.
6. **Теплов Д. Ю.** Типизация в книговедении и библиографии. Основные проблемы на примере научно-технической литературы и её библиографии. – Москва : Книга, 1977.

7. **Михайлов А. И., Чёрный А. И., Гиляревский Р. С.** Основы научной информации. – Москва : Наука, 1965.; **Они же.** Основы информатики. – Москва : Наука, 1968.
8. **Моргенштерн И. Г.** Общее библиографоведение : учеб.пособие. – Санкт-Петербург : Профессия, 2005.
9. **Моргенштерн И. Г.** Информационный и книжный мир. Библиография: избранное. – Санкт-Петербург : Профессия, 2007. – 440 с.
10. **Новоженова Т. А.** Синергетическая концепция библиографии // Российское библиографоведение: итоги и перспективы : сб. науч. ст. – Москва, 2006.
11. **Бранский В. П., Пожарский С. Д.** Социальная синергетика и акмеология. Теория самоорганизации индивидуума и социума в свете концепции синергетического историзма. – Санкт-Петербург, 2002.
12. **Узилевский Г. Я.** Семиотическая концепция библиографии // Российское библиографоведение: итоги и перспективы : сб. науч. ст. – Москва, 2006.
13. **Савина И. А.** Формирование семиотической концепции библиографического языка // Библиография. – 2008. – № 4. – С. 19–21.
14. **Савина И. А.** Библиографический язык и глобализирующееся информационное общество : науч.-практ. пособие. – Москва : Литера, 2008. – 240 с.
15. **Плешкевич Е. А.** Документальный подход в библиотековедении и библиографоведении: этапы формирования и направления развития. – Москва : Пашков дом, 2012. – 308 с.; **Он же.** Документально-информационный подход в библиотековедении и библиографоведении (основные положения) // Румянцевские чтения – 2012 : Материалы междунар. науч. конф. – Москва : Пашков дом, 2012. – Ч. 1. – С. 122–127.
16. **Плешкевич Е. А.** Основы общей теории документа. – Саратов : Научная книга, 2005. – 244 с.
17. **Моргенштерн И. Г.** Жажда парадигмы // Библиография. – 1998. – № 6. – С. 38–41.
18. **Шрейдер Ю. А.** Библиография – объект интереса и предмет познания // Библиография. – 1998. – № 2. – С. 48–56.
19. **Барсук А. И.** Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин: методологический очерк. – Москва : Книга, 1975. – 206 с.
20. **Гречихин А. А.** Общая библиография: теоретико-методологические основы : учеб.пособие. – Москва : Изд-во МПИ, 1990. – 108 с.
21. **Вохрышева М. Г.** Библиография в системе культуры. – Самара, 1993. – 124 с.
22. **Вохрышева М. Г.** Теория библиографии : учеб.пособие. – Самара : Изд-во СГАКИ, 2004. – 368 с.
23. **Фокеев В. А.** Природа библиографического знания : моногр. – Москва : РГБ, 1995. – 351 с.
24. **Фокеев В. А.** Ноосферно-культурологическая (когнитографическая) концепция библиографии // Российское библиографоведение: итоги и перспективы : сб. науч. ст. –

Москва, 2006. – С. 216–231.

25. **ляднева Н. А.** Библиография в системе Универсума человеческой деятельности. Опыт системно-деятельностного анализа / МГИК. – Москва, 1993. – 226 с.

26. **Астахова Л. В.** Библиография как научный феномен : моногр. / МГУК. – Москва, 1997. – 338 с.